

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Вяч. П. Океанский

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); доктор философских наук (Международный сертификат ООН и ЮНЕСКО); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета; главный научный сотрудник Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества Ивановского филиала Института управления (Архангельск); заслуженный деятель науки и образования, чл.-корр. РАН; академик АФХ (МГУ им. М. В. Ломоносова); почётный работник высшего профессионального образования РФ

Отчего умер Иван Ильич

Автор указывает на метафизический характер смерти знаменитого толстовского героя, прообразом которого стал родной брат крупнейшего отечественного физиолога XIX века Ильи Ильича Мечникова и первого русского геополитика, анархиста Льва Ильича Мечникова – тульский прокурор Иван Ильич Мечников.

Ключевые слова: смерть, метафизика, имя, люди, Бог.

О повести Льва Николаевича Толстого «Смерть Ивана Ильича» (опубликована в 1886 г.), которую следовало бы ввести в обязательный читательский минимум всякого порядочного юриста, многие знаменитости утверждали, что нет ей равных в мировой литературе; например, знаменитый правовед и гениальный искусствовед В. В. Стасов писал своему другу – самому автору: «Ни у одного народа, нигде на свете нет такого гениального создания. Всё мало, всё мелко, всё слабо и бледно в сравнении с этими 70-ю страницами». Есть великолепные исследования поэтики повести и её внутреннего психологизма, к ней обращались М. Хайдеггер и В. В. Набоков в своих ключевых прозрениях о «бытии к смерти» и «буддийском веянии»...

Недавно встретилась любопытная переписка врачей в Интернете; вот – три цитаты из неё: «Перечитывал Толстого и вдруг задумался над одной деталью. Отчего умер Иван Ильич? Наверняка Толстой, описывая симптоматику, опирался на реальные

симптомы. Напомню, Иван Ильич упал с лестницы и ударился боком, ушиб поболел и прошёл, а через некоторое время у него начались легкие боли и неприятный вкус во рту. Лечили дядьку доктора, но так и не выяснили, что у него, и залечили... Так что у него было все-таки и можно было б его излечить в наше время?»; «Это невозможно по книге сказать от чего умер. Там, может, была ушиблена голова или внутреннее кровоотечение...»; «Похоже на ушиб печени, но это же как надо свалиться... Хотя если уже был большой камень в печени... Если свалился на другой бок – то поджелудочная железа... А что гадать... Может, он и свалился от головокружения при сердечной недостаточности... или микроинфаркта... Лечили "бок", а умер от инфаркта... Прям, криминалрасследованием сейчас займёмся».

Стоило бы, однако, обратить внимание прежде всего на метафизический характер (!) смерти Ивана Ильича, запечатлённый в самом названии толстовской повести: она, смерть, оказывается отправной смысловой

точкой, своего рода ответом, предваряющим всякие последующие «отчего?» и «почему?». Простолюдины тут любят восклицать: «Да по кочану!..» – смерть воцаряется как пришедшее Неотменимое, хотя и мистически отклонённое в самом конце, когда измученному агонией человеку вдруг открывается: «...смерти не было. Вместо смерти был свет». Но это – уже совсем другой свет, нежели тот, к которому главный герой повести стремился всю свою жизнь и до известной и весьма высокой степени сам его являл...

Иван Ильич Головин имел правильное русское имя библейского происхождения, былинно-пророческое отчество, княжескую фамилию – можно сказать, что исходный «платонический» багаж или информационная карта его судьбы задалась на славу, оставалось этим лишь воспользоваться, что он и не преминул сделать, ибо «как муха к свету, тянулся всегда к наивысше поставленным в свете людям...»

Экспозиция повести значительна, ибо всё начинается с того, что «в большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания... зашёл разговор о знаменитом... деле» и один из собеседников «разгорячился, доказывая неподсудность» – напрашивается вопрос: кто же может быть неподсуден в нашем человеческом мире? – именно этот разговор прерывается внезапным известием о смерти «члена Судебной палаты» сорокапятилетнего Ивана Ильича, сообщённой общественности через газету.

Любопытно произведённое этим известием впечатление на коллег усопшего: «Услыхав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете, была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых»; «самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про неё, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я».

Интересно и поведение жены покойного, ибо её исключительно занимало «всё то, что можно вытянуть от казны по случаю этой смерти... как-нибудь вытянуть ещё побольше денег».

Весьма показательны профессиональные вехи жизненной истории Ивана Ильича, который в качестве будущего юриста «хорошо кончил курс» и «в Правоведении уже он был тем, чем он был впоследствии всю свою жизнь» – усреднённую, стилизованную, лакированную и весьма приличную: «Были в Правоведении совершены им поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращение к самому себе в то время, как он совершал их; но впоследствии, увидав, что поступки эти были совершаемы и высоко стоящими людьми и не считались ими дурными, он не то что признал их хорошими, но совершенно забыл их и нисколько не огорчился воспоминаниями о них».

Между тем, большая жизнь – как и поныне, ускоряясь со временем – текла: «Явились новые судебные учреждения; нужны были новые люди. И Иван Ильич стал этим новым человеком. Ивану Ильичу было предложено место судебного следователя...»; в этой новой роли он обрёл и обновлённое позитивное самоощущение, ибо даже «в новой должности перестал пробривать подбородок и дал свободу бороде расти, где она хочет»: «...любил давать чувствовать, что вот он, могущий раздавить, дружески, просто обходится... судебным следователем, Иван Ильич чувствовал, что все, все без исключения, самые важные, самодовольные люди – все у него в руках и что ему стоит только написать известные слова на бумаге с заголовком, и этого важного, самодовольного человека приведут к нему в качестве обвиняемого или свидетеля, и он будет, если не захочет посадить его, стоять перед ним и отвечать на его вопросы. ...сознание этой власти и возможность смягчить её составляли для него главный интерес и привлекательность его новой службы».

Время стремительно шло. «Ивана Ильича ценили как хорошего служаку и через три года сделали товарищем прокурора»: «Новые обязанности, важность их, возможность привлечь к суду и посадить всякого в острог, публичность речей, успех... всё это ещё более привлекало его к службе».

Вскоре Ивана Ильича, словно в сказке, «перевели на место прокурора»: «Сознание своей власти, возможности погубить всякого человека, которого он хочет погубить, важность, даже внешняя, при его входе в суд и встречах с подчинёнными, успех свой перед высшими и подчинёнными и, главное, мастерство своё ведения дел, которое он чувствовал... наполняло его жизнь».

Следующим его повышением стала служба в Министерстве юстиции и с ней был связан переезд героя в Петербург, ставший ему верховным местом предсмертной казни... «Раз он влез на лесенку» при обустройстве новой столичной квартиры, «оступился и упал, но, как сильный и ловкий человек, удержался, только боком стукнулся об ручку рамы», впрочем, отшутившись: «Я недаром гимнаст. Другой бы убился, а я чуть ударился вот тут; когда тронешь – больно, но уже проходит; просто синяк».

Иван Ильич пытался отвлечься от боли, «танцевал с княгиней Труфоновой, сестрою той, которая известна учреждением общества "Унеси ты моё горе"» – хотя и «говорил иногда, что у него странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота. Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться...».

По мере развития болезни герою открывается опыт полного антропологического одиночества: жена «стала желать, чтоб он умер»; говорила ему: «никогда не выздоровеешь и мучаешь нас»; на работе «в суде... к нему приглядываются как к человеку, имеющему скоро опростать место...»; приехавший же шурин произнёс супруге в соседней комнате: «он мёртвый человек». Перед смертью Иван Ильич «заплакал, как дитя»: «Он плакал о беспомощности своей, о своём ужасном одиночестве, о жестокости людей, о жестокости Бога, об отсутствии Бога». При этом герой обращается к Творцу с метафизическими вопросами: «Зачем ты всё это сделал? Зачем привёл меня сюда? За что, за что так ужасно мучаешь меня?..»

При этом он «бился, как бьётся в руках палача приговорённый к смерти, зная, что он не может спастись». Пожизненно занимаясь юридической практикой, герой ча-

сто сам выступал в качестве выносящего приговор... И постепенно к нему подкралось осознание непоправимости: «...образ камня, летящего вниз с увеличивающейся быстротой, запал ему в душу. Жизнь, ряд увеличивающихся страданий, летит быстрее и быстрее к концу, страшнейшему страданию» и «всё это происходит оттого, что он жил не так»; «и его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы – всё это могло быть не то». «Вся моя жизнь, - заключает Иван Ильич, - сознательная жизнь, была "не то"»; герой обращается к нетерпеливой жене со словами: «Ради Христа, дай мне умереть спокойно»; «Он указал жене взглядом на сына и сказал: — Уведи... жалко... и тебя... - Он хотел сказать ещё "прости", но сказал "пропусти", и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймёт тот, кому надо».

Иван Ильич умер от бессмысленности своего бытия и отсутствия любви, но сама смерть, случившаяся как мгновенное озарение на путях познания, сообщила его истаявшей жизни некий непреходящий смысл.

Повесть Льва Толстого направлена на его пробуждение и открытие в судьбе каждого читателя. Какое это значение может иметь сегодня? Такое же, как и вчера, как и сто, как и тысячу лет назад... Всегда воровали, лжесвидетельствовали, вымогали, бесчинствовали и чиновничьяли, жулили, насыщались, страдали и мучительно умирали. В департаментах утонувшей Атлантиды заседали свои отменные подонки, и ни один из них не выплыл к берегам новой жизни... Сверстники Ноя – утонули, их не спасли древнейшие гиперборейские «искусства управления», как не спасли их, вероятно, и «новые образовательные технологии». Но блаженный Августин Аврелий указывал на неистребимость таких «структур», называя их «шайкой разбойников».

Ставя вопрос, отчего умер Иван Ильич, каждый из нас, судящий и подсудимый, может быть изумлён его новой экзистенциальной редакцией: а отчего это я сам ещё не умер? – неужели я принадлежу к его «коллегам», испытывающим, «как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я»?

Умирая вместе с Иваном Ильичом, или спускаясь в преисподнюю вместе с Данте Алигьери, или продвигаясь в средиземноморской пучине с бывшим троянским воином Энеем, воспетым Вергилием – мы осуществляем мистериальные сюжеты своей жизни; они отличаются как от карьерных сюжетов, так и от сюжетов сугубо биографических.

Многие юристы проживут долгую и счастливую жизнь. Их будут окружать любящие и любимые люди: ближние, коллеги, наставники и последователи... Возможно, все они когда-нибудь поднимутся на фантастических лифтах третьего тысячелетия в высокие чертоги своих администраций и министерств, или даже будут управлять сегментами планетарного неогосударства, постепенно построенного на мучительном пути к гражданскому обществу. Но если это общество не утратит признаки человечности, то в нём, конечно, останутся литература и философия, искусства и религии, останется как «цветущая сложность» бытия, так и его «невыносимая лёгкость», останутся бордели и библиотеки, останется «неизрасходованный простор», провозгласят новые формы комфортабельного рабства, но останется и «тайная свобода» для себя и других...

Классика и фэнтези, канонические и эзотерические сочинения подводят каждого из нас к решающему ответу на вопрос, отчего умер Иван Ильич – а я ещё жив.

©Океанский В.П., 2016